

БЕЛОРУССКАЯ ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ирина Шматкова
Минск, Беларусь

В статье рассматривается белорусская женская поэзия второй половины XX века с точки зрения антропологического аспекта. На примере творчества Н. Матяш, Г. Корженевской, Р. Боровиковой анализируется образ человека как уникальный антропологический портрет своей эпохи.

Ключевые слова: человек, антропология, эпоха, творчество, белорусская женская поэзия

Любое произведение создаётся в контексте определённого пространства, времени и т. д. У художественного текста, как у ребёнка, есть всегда два родителя: отец и мать. В данном случае, мать – автор, отец – тот самый контекст определённой культуры, идеологии и т.п. Как утверждает белорусский исследователь О. Губская, «литература как часть культуры – одна из тех составляющих, которая позволяет создавать впечатление об эволюции человека. Более того, культура, а вместе с ней и литература, сами подчиняются действию эволюции, фиксируя при этом все изменения» [4, с. 18].

Чрезвычайную важность представляет собой антропологический аспект в анализе литературного произведения, так как именно по нему можно судить о состоянии нравственного, общекультурного развития человека и общества в целом. Человек может быть, как героем литературного произведения, так и субъектом творческой деятельности.

Данный анализ важен с точки зрения изучения как отдельно взятого произведения или же творчества определённого автора в целом, так и для изучения на основе данного произведения специфики развития общества в определённом временном отрезке.

В современном литературоведении существуют два подхода к анализу художественного текста: во-первых, текст рассматривается в тесной связи с биографией автора, так как считается, что его личный жизненный опыт (особенно отражённый в лирическом жанре) играет ведущую роль; во-вторых, литературный текст изучается как отдельное самостоятельное произведение, так как не всегда образ лирического героя и образ автора совпадают. Более того, в последнее время наблюдается тенденция к обособлению этих понятий. Авторы создают вымышленных персонажей, восприятие действительности которых не совпадает с их личным мировоззрением. Делается это с целью углубления в иной психотип человека, возможно, для более точного анализа образа мыслей и мотивов поступков героя своего произведения; возможно, таким образом, автор осуществляет попытку «прожить две жизни». Хотя некоторые исследователи отмечают, что «в конце XX – нач. XXI вв. жанр автобиографии приобрёл особую популярность» [5, с. 70].

Белорусский литературовед Е. Городницкий отводит первостепенное место поэзии как жанру: «Так сложилось исторически, что именно поэзия (как народная, которая издавна выражала себя в устной, преимущественно песенной форме, так и индивидуальная, которая имеет многовековую письменную историю; как эпическая, так и лирическая) наиболее выразительно и целостно представляет не только эстетические, но и общественные, философско-моральные взгляды разных культурно-исторических эпох, является наичценнейшим источником по народоведению» [3, с. 68].

Белорусская женская поэзия – источник искренних чувств и переживаний, зеркало духовной жизни общества, даже целого поколения, более того содержит уникальный эмоциональный опыт. Через эмоциональное присоединение к поэтическому наследию человек может вступать в своеобразный диалог со временем, подключиться к духовно-эмоциональному полю творца. «Человек с его миром чувств и переживаний – главный вектор словесного искусства» [9, с. 75], «человек стал основой творчества белорусских поэтов, их духовно-философского осмысления мира» [10, с. 73].

Антропоцентризм был ведущим вектором литературы во все времена, но особую актуальность он приобретал в переломные исторические моменты, к которым справедливо можно отнести и жизнь нашей страны во второй половине XX в. Эпохально значимые события (Великая Отечественная война, смерть Сталина, “хрущёвская” оттепель, перестройка Горбачёва, распад СССР, повлёкший за собой десятилетие “лихих” девяностых, и наконец-таки всеобщий страх “конца света”, охвативший людей на пороге миллениума. Исторические изменения затронули все сферы человеческой жизни, вызвали настоящую переоценку ценностей, когда старые идеалы уступали место новым. Процесс характеризовался неопределённостью, переходными трудностями, потому что духовное возрождение сопровождалось тяжёлым экономическим кризисом. Противоборство “духовное – материальное” обострилось с новой силой.

Так, белорусская поэтесса Н. Матяш в поэзии этого времени активно осмысливает проблему материального и духовного в обществе, роль искусства в решении этой проблемы: *«Я не ведаю ніводнага, колішняга ці сучаснага, грамадства, у якім бы духоўнае пераможна панавала над матэрыяльным. Паўсюль «душа йшчэ з дзерава не злезла» (Л. Кастэнка). Яна і ў XXI стагоддзі ўсё ў тым жа першабытна-калматым лямцу бязгледздай агрэсіі ды культу грубай сілы, падмацаванай фінансамі ці ўладай. Адсюль – бясконцыя крываваыя войны-разборкі, нахабны дыктат волі аднаго ці малалікай групоўкі над мноствам. Адсюль – фетышызацыя маёнткаў і пагарджэнне скарбамі нацыянальнай ды агульначалавечай культуры. Мастацтва ж, як праява духоўнасці, цягам усяго шматвяковага развіцця чалавечай цывілізацыі ўпарта, бесперапынна, усімі даступнымі яму сродкамі, у тым ліку й літаратурай, нагадвае людзям пра іншыя вымеры жыцця. Пра сапраўды нятленныя каштоўнасці, такія як любоў, праўда, чалавечнасць, сумленне. Пра*

ўсё тое, без чаго чалавек на зямлі так і застаецца драпежным зверам ці вартай жалю кормнай жывёлінай» [10, с. 134].

Еще одну белорусскую поэтессу второй половины XX в. Р. Боровикову, так как и Н. Матяш, волнует, что в современном обществе людей больше волнуют материальные проблемы, чем духовные, и тогда для поэзии места не существует: *«Радкі, радкі... // Свет патрабуе хлеба! // І, што яму, мо толькі насмяшыш, // што дзесь Паэт вядзе размовы з небам // пра несмяротнасць слова і душы»* [1, с. 242]. Эта же проблема соотношения «духовное – материальное» раскрывается ещё в одном произведении Р. Боровиковой: *«Няхай гавораць людзі ля кіёскаў, // што я ў палоне песенных забаў <...> Сяброўкі абсталёўваюць кватэры, // я п'ю ў лясках на досвітку расу // і незалежна, з выглядам гетэры, // чыёсьці сэрца ў кошыку нясу»* [1, с. 13]. Для поэтессы существует ещё один «измеритель» настоящей поэзии – правда: *«Выходзь да люду пры парадзе // ці выстаўляй капкан з рыззя, // у аднойчы сказанай няпраўдзе // калісь патоне праўда ўся...»* [2, с. 371].

Состояние полного раздорожья, в котором оказались граждане бывшего советского государства, метко удалось передать поэтессе Г. Корженевской: *«Штосьці пуста ў маіх засеках, // Штосьці воля мая – як з ваты. // Штосьці думкі мае – як рэкі, // Паспрамляныя сілай, гвалтам»* [6, с. 7]. Троекратный повтор неопределённого местоимения усиливает этот эффект. Автор пробует переосмыслить идеологические клише, придти к истине самостоятельно, устав от «общих» мыслей, «навязанных сверху»: *«А вы мне тут – // пра камерную згоду...»* [6, с. 22]. Во многих стихотворениях Г. Корженевской читается горькое размышление об идеалах юности, в которых преобладал наив. Она с иронией рассуждает о таком человеческом качестве, как почёт: *«Дошкі гонару апусцелі. // Нават з гонарам стала горш – // Ён каштуе сягоння грош»* [6, с. 71].

Под острое перо поэтессы попали клерки коммунистических кабинетов – *«рабацягі машыны страшной», «спадкаемцы вялікай лажы»,* – как видим, здесь Г. Корженевская не жалеет просторечной лексики; подхалимы также получают своё: *«Хто апалай лістотай слаўся – // Тых наступнасць збярэ ў вядро»* [6, с. 71]. Опять же иронично (в стихотворении с соответствующим названием «Ироническое») поэтесса показывает «схематичность», застылость советского времени, используя для этого короткие неполные предложения, единую рифму для каждой строфы, что усиливает впечатление от содержания: *«І застой, і плесня там, дзе схемы. // У людзей інакшыя праблемы. // У віры матыяемся ўсе мы. // Справы дрэнь: падводзяць тэарэмы. // Як іх штампавалі год ад году, // Сапсавалі гэтулькі народу»* [6, с. 22].

Поэтессы высказывали в стихотворных строках свои мысли, надежды, переживания, тревоги, иначе говоря, выявляли человеческое в человеке.

Н. Матяш в стихотворении «Загляни в себя» призывает человека внимательно всмотреться в свой внутренний мир, где есть всё, почувствовать в нём греховное и светлое: *«Ёсць такі куток, // Дзе чарней начы асенняй // Змрочны мкне паток»* і *«Ёсць такая шыр, // Дзе пануе несяжны // Шчассямоўны мір»* [7, с. 215–216]. И тёмное, и божественное сосуществует в одном и том же существе – человеке. С аналогичной просьбой обращается поэтесса к читателю, рассуждая: *«Здаецца ж, і лёс наш не цёмны, // І час не глухі наш...»,* але ж чалавек працягвае *«блукаць», «у ваколле ўзіраецца // Напружаней і пільней»* [7, с. 83]. И здесь, кажется, на помощь человеку приходит Вселенная: *«Часцей пераходзяць дарогу // І зорка, і рыбіна, й звер, // Каб мы адшукалі нарэшце // Сябе – // Чалавека»* [7, с. 83].

Человеческое в человеке – это и есть его духовная, гуманная сущность. На первый план в мировоззрении Н. Матяш выступают человеческие качества. В одном из своих стихотворений поэтесса говорит, что главное, *«каб людзі ў шматмільярдным стане // Нарэшце зваліся людзьмі!»* [7, с. 155]. И далее: *«О, боязь за другога чалавека!.. // Адна ты робіш чалавека з нас»* [7, с. 101]. Г. Корженевская солидарна с Н. Матяш: *«У чалавеку // Людское мне дорага»* [6, с. 69]. Она уверена, что всему необходимо человеческое тепло: и траве, и реке, и душе, *«каб у ёй не было // зацятасці згубнае, // вартае жалю»* [6, с. 4].

Человеческий мир с макрокосмосом объединяет образ солнца, которое дарит вселенной тепло и светло. Человек – также источник тепла и света.

Человекообразующими категориями в женской поэзии второй половины XX в. выступают такие гуманистические категории как любовь, вера, добро, правда и т. п. Но нужно отметить, что даже к таким основополагающим категориям в данный временной отрезок было разное отношение. В данном контексте можно говорить как раз об упомянутом выше несовпадении образов лирического героя и автора. Не всегда в 1950 – 1970 гг. поэтессы могли писать искренне. Одни авторы проникались идеями своего времени и могли выполнять так называемые “идеологические заказы”, например, на написание атеистических произведений [8, с. 74]. У одних авторов получалось это делать, некоторые «замолкали» на долгие годы.

Тем не менее, основополагающим пафосом женской поэзии второй половины XX в. стал гуманистический, он был направлен к человеческому обществу с целью его духовного и морального совершенствования. Основная цель творчества белорусских поэтесс – в самопознании, самопостроении человеческой личности, постижении мира и диалога между людьми в обществе. Их творчество основывается на актуализации морального смысла жизни каждой личности. Образ человека в белорусской женской поэзии второй половины XX в. – уникальный антропологический портрет своей эпохи.

1. Баравікова, Р.А. Дрэва для райскай птушкі: лірыка / Р.А. Баравікова; прадм. І. Штэйнера. – Мінск: Маст. літ., 2007. – 270 с.
2. Баравікова, Р.А. Сад на капялюшыку каханай: лірыка / Р.А. Баравікова. – Мінск: Маст. літ., 1997. – 486 с.
3. Гарадніцкі, Я.А. Паэтыка беларускай літаратуры XX стагоддзя: суб’ектна-аб’ектныя суадносіны / Я.А. Гарадніцкі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 332 с.
4. Губская, О.Н. Осмысление феномена человека: от эссе homo до homo soveticus (на примере произведений Максима Горького, Василя Быкова и Светланы Алексиевич) / О.Н. Губская // Социальные, политические и культурные процессы на территории Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: материалы II Международной научной конференции, Пинск, 24 – 25 ноября 2017 г. / Полесский государственный университет. – Пинск, 2017. – С. 18 – 22. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30651180 (Дата обращения: 26.10.2018)
5. Жилевич, О. Ф. Французская постмодернистская автобиография: «Африканец» Ж.-М. Г. Леклезю / О. Ф. Жилевич О. Ф. // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки: научно-теоретический ежемесячный журнал. – 2011. – № 2. – С. 70–74. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23893917&> (Дата обращения: 26.10.2018)
6. Каржанеўская, Г. Асенні мёд: вершы розных гадоў / Г. Каржанеўская. – Мінск: Маст. літ., 1999. – 159 с.
7. Мацяш, Н. Паміж усмешкай і слязой: вершы і паэмы (1962 – 1992) / Н. Мацяш. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 301 с.
8. Постановление Секретариата Союза писателей СССР “Об участии Союза писателей СССР в работе по усилению атеистического воспитания населения” // БГАМЛИ. – Фонд 78. – Оп. 1. – Дело 251. – Лист 74.
9. Шматкова, І.І. Чалавек – паэт – грамадства ў беларускай жаночай паэзіі другой паловы XX стагоддзя / І.І. Шматкова // Социальные, политические и культурные процессы на территории Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: материалы II Международной научной конференции, Пинск, 24 – 25 ноября 2017 г. / Полесский государственный университет. – Пинск, 2017. – С. 75 – 78. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30651191> (Дата обращения: 26.10.2018)
10. Шматкова, І. Наталіцца роднасці святлом...: Агульнае і адметнае ў творчасці Е. Лось, Н. Мацяш, Г. Каржанеўскай / І.І. Шматкова; навук. рэд. А.І. Бельскі. – Мінск: Ковчег, 2011. – 148 с. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32836393> (Дата обращения: 26.10.2018)